

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Моя вторая мама

Каким же наивным человеком я был, безвылазно живя в городе, и оперируя замшелыми стереотипами о деревенских жителях! Сколько страсти скрывалось в этих людях, сколько скрытых чувств и нереализованных желаний пряталось под личиной вечной работы в поле, в огороде, или просто дома, по хозяйству! Сколько сердец содрогалось в вечном томлении духа, и горело в неугасимом желании наслаждений! К счастью, мне удалось познать душу деревни — не менее греховную, чем падший ангел городов.

В прошлом году я удачно женился, долго выбирая среди многочисленных кандидаток на мое сердце и папин кошелек, остановившись, наконец, на простой деревенской девушке — Евгении. Она была родом из небольшой деревушки N-ской области, расположенной в двухстах километрах от города, где мы познакомились, влюбились, и остались жить после свадьбы.

Женился я поздно, в 36 лет, прогуляв большую часть своей сознательной жизни в амфетаминовом угаре ночных клубов, и алкогольном мареве русско-финских бань, не расставаясь ни на миг с мирамистином. Я бы и дальше продолжал плыть по течению в полубессознательном бреде, если бы не отец, который поставил мне жесткие условия: остепениться и жениться. В противном случае это грозило отлучением от папиной денежной сиськи, а это никак не входило в мои далеко идущие планы бессмысленного прожигания жизни.

Девушка, которая подвернулась на радость мне и моим родителям, была тихой, скромной, и немного нерусской. Женьке было всего восемнадцать лет (я был в два раза старше ее), и наши отношения были окутаны легким флером Набоковской фантазии. Я ее случайно подцепил в каком-то ночном клубе, где она одиноко подпирала стену туалета. С первого взгляда я был покорен величием ее форм. При более близком знакомстве она оказалась милой и непосредственной снаружи, и девственно-непорочной внутри.

Втрескавшись в меня с первого взгляда, Женька не подпускала ко мне ни одну телку на расстоянии вытянутого члена, и, заметив чей-нибудь неосторожный взгляд на мое достоинство или кошелек, готова была любую порвать на пиккульки. Имея стройную фигуру даже по городским меркам, и здоровенные сиськи — даже по деревенским стандартам, моя Женька так и не смогла отделаться от комплекса провинциалки, шугалась моих вечно бухих друзей и их змеиных подруг, и старалась отхилить от совместного кутежа под любым удобным предлогом.

Оказавшись в полной женской изоляции — ее крепкие сиськи грудью стояли на защите моей нравственности — я был вынужден обучить свою благоверную всем премудростям развращенного секса. Ибо на заре нашего знакомства она оказалась сведущей в сексуальных игрищах, аки пень дремучий.

Я познакомил Женьку с некоторыми дополнительными местами в ее девичьем организме через которые можно было без труда проникать в ее девственное нутро (без ущерба для здоровья, и даже с некоторой степенью удовольствия), чем поверг ее в полнейшее изумление. Она доверилась мне и оказалась прилежной ученицей. Через короткое время я создал из Женьки боевую секс-машину смерти — себе на погибель. Войдя во вкус плотских утех, доселе неизведанных ее крепким крестьянским телом, она пустилась во все тяжкие, стараясь

наверстать упущенное.

Я скрывался как мог, но она доставала меня из любой щели, как перепуганного таракана, и волокла к себе в спальню-пещеру, где и сношала — себе на радость. Силы мои были на исходе, и мой затраханый вместе со всем организмом мозг, выдал, наконец, спасительное решение: съездить в гости к ее родителям в деревню.

Я был наслышан о набожности ее матери, о суровости отца-алкоголика, и помнил о той пасторальной скромности, в которую погружалась моя Неутомимая Вагина, стоило ей прибыть в родные пенаты. Расценив мое предложение, как акт доброй воли и любви по отношению к ее забытым предкам, жена расчувствовалась, и чуть не задушила меня в своих объятиях. Я еле выжил, затерявшись среди ее сисястых грудей, и яростный минет, который я получил в награду за свое легкомыслие, чуть не отправил меня к праотцам: мне казалось, что вместе с яйцами мне высосали мозг.

Загрузив автомобиль доверху подарками для родственников (ограничиться только цветочком аленьким моя супруга наотрез отказалась), мы двинули с ответным визитом в родную деревню жены — ее родители были у нас в гостях один раз, да и то на свадьбе.

Здесь необходимо сделать маленькое лирическое отступление, чтобы было ясно, почему меня так тянуло к ее матери — Алевтине Ивановне — простой моложавой женщине с раскосыми глазами. Она была немногим старше меня — ей было всего 38 лет. В первый же день знакомства у нас с ней вышел небольшой конфуз.

Знакомясь с Женькиной матерью, и целуясь по русскому обычаю — троекратно в воздух и касаясь щеками друг друга, кто-то из нас неловко повернулся, и последний поцелуй пришелся в губы. Мы пару секунд стояли дольше обычного, слившись губами совсем не в дружеском приветствии, потом Алевтина Ивановна, как ни в чем ни бывало, пошла на кухню разбирать сумки: я же замер, как подстреленный.

Сколько женщин я перецеловал за свою бурную жизнь, я, конечно, не вспомню и под пытками, но такого ощущения я не испытывал никогда. Не знаю, в чем там было дело: хоть ее большие мягкие губы сочно поцеловали меня, но ничего сверхъестественного в этом поцелуе не было. Да и на поцелуй это было не очень похоже — так, прижались губами друг к другу, постояли, и все. Однако мой член не просто отреагировал — он выскочил, как чертик из табакерки. Я еще долго не мог успокоиться, скрываясь в ванне с задранной занавеской.

Пришлось звать на помощь своего терминатора, которая быстро все уладила: сосать Женьку научилась отменно, став в этом деле настоящей мастерицей.

Прихватив с собой ящик виски (я надеялся отдохнуть по-взрослому), я весело катил в свой первый в жизни секс-отпуск, за который, правда, пришлось платить дорожный сбор: трахнуть Женьку в зад в придорожных кустах. Она, счастливая, потом болтала всю дорогу без умолку, и мне пришлось заткнуть ей членом рот, предупредив, что, если я кончу раньше, чем мы подъедем к деревне — она получит по репе.

Жена легко справилась с поставленной задачей, и мы, изнуренные сексом и дорогой, прибыли, наконец, в ее деревню: в воздухе густо пахло сеном и гавном.

В сенях нас встречали ее родители: Алевтина Ивановна и Женькин отец — его звали Гаврила, вот только его отчество я никак не мог запомнить. Он был сильно проспиртован (как выяснилось, еще со вчерашнего вечера), и как всегда не узнал меня.

Моя теща, Алевтина Ивановна, крепко обняла меня и подставила свое милое лицо для поцелуя. Я набрался храбрости и поцеловал ее прямо в губы, обойдя привычные традиции —

тем более что дочь, лобызаясь с ней, сделала то же самое. Получился такой же эффект, как и в прошлый раз: мы постояли несколько мгновений, прикоснувшись губами друг другу, и мой член стал пробивать себе дорогу наружу, как росток красного перца из земли после дождя. Потом теща спокойно отстранилась, улыбнулась мне, и пошла с дочерью на кухню — разбирать подарки.

Я был поражен эффектом, который производила на меня эта женщина! Вместо отдыха от сексуальных баталий, мне захотелось оттрахать ее по полной программе. Но это было — увы! — невозможно, и я засеменял к жене с горячим желанием выпустить пары.

Женька, увидев меня в приподнятом состоянии, сделала страшные глаза, зашикала, и погнала из кухни, размахивая полотенцем над головой как боевым штандартом. Я понял, что моя сексуальная программа в деревне накрылась медным тазом (и это было, в целом, хорошо), но труба звала меня на ратный подвиг — а это было плохо. Я заметался в поисках укромного места, где бы я мог разрядить обстановку.

Забившись в ванной между гигантской душевой кабиной и раковиной, я перезарядил свой кольт и пристрелил хозяйского кота, заглянувшего в этот район красных фонарей: любопытство должно караться смертью. Заряд попал лазутчику точно между глаз, кот мякнул, и лапой смахнул мутные капли. Потом стал вылизывать липкую лапку: в воздухе явно запахло зоофилией. Я поспешил покинуть место преступления, протерев по дороге морду кота какой-то тряпкой, которая валялась под раковиной — нашим сексуальным контактом он был явно разочарован. Мне хотелось выяснить, почему я, как девочка-целочка, теряю свой покой от обычных поцелуев взрослой женщины. И хотелось продвинуться в своих исследованиях дальше, не ограничиваясь пионерскими радостями (я уже был большой мальчик) — но я не знал, как это сделать.

Во время застолья, — на которое собралось туча родственников, доселе мне не известных — я старался чокнуться с мамой Алей (она просила так ее называть), и чмокнуться в завершении очередного тоста. Удивительное дело! Она легко шла на поцелуи с моей стороны (после каждой рюмки), а потом и сама стала целовать меня за столом — по поводу и без повода.

Но странным было не только это, но и реакция окружающих родственников и гостей на наш откровенный флирт: она была нулевая! Возникало ощущение, что это стандартная форма общения для окружавших меня людей, или они просто не видели в этом ничего предосудительного.

Я весь вечер нетерпеливо стучал своей балдой по ножке стола (рискуя сдвинуть его с места со всеми угощениями и гостями заодно), мечтая как-нибудь уже присунуть своей теще.

Ночью, когда все гости разошлись, и на кухне остались пить чай только я с Женькой и Алевтина Ивановна, я подсел к теще, и стал нести какую-то восторженную околесицу, поминутно целуя ее в губы. Мама Аля смущенно смеялась, что-то говорила в ответ, умолкая лишь на время поцелуев (которые длились все дольше и дольше), и потом продолжала говорить, как ни в чем не бывало.

Моя Женька, глядя на весь этот неприкрытый разврат, почему-то умилялась — она, верно, думала: «Как хорошо, что мой любимый нашел с мамочкой общий язык!». Если бы она глянула под стол — ее бы мнение сильно изменилось. Мне было необходимо срочно отсалютовать по-поводу этой маленькой победы (теперь я мог целоваться с ее мамой где угодно и когда угодно, не рискуя внезапной потерей яиц), и я потрусил раскорякой в душевую кабину — заодно помыться с дороги.

С комфортом разместившись в кабине, которая с легкостью могла принять в себя небольшого носорога, я включил нижний душ, и раскрылечился над ним, зависнув над струями воды. Теплые потоки приятно щекотали мои тылы, и я галопом погнал бородатого к финишу — благо он был не за горами.

Я не слышал, как открылась дверь в ванную комнату, но зато услышал голос тещи за своей спиной:

— Вам потереть спинку?

Я замер, придушив лысого в руках, не зная, куда его спрятать: карманы остались в штанах, а штаны лежали на диване в комнате для гостей.

— Спасибо, Алевтина Ивановна! — гаркнул я, стараясь держаться к ней спиной.

— Да не на чем, — добродушно ответила теща, и я почувствовал, как сильные руки принялись за мое тело.

Потом она опустилась на колени, и намылила мою задницу, тщательно пройдясь руками между половинок. Мой морячок гордо смотрел вдаль, в надежде разглядеть в туманной дымке душевой спасательный круг подходящего размера.

Намылив меня всего со спины, теща мягко развернула меня к себе лицом, и... Продолжала намыливать дальше. Мой капитан болтался в дюйме от ее головы, иногда тыкаясь в ее щеки, уши, или забираясь на лоб. Она невозмутимо продолжала натирать меня, как будто я вызывающе не торчал перед ее лицом блестящей лысиной, из которой сочились прозрачные капли. Добравшись наконец до палубной пушки, теща непринужденно схватила ее за ствол, и стала надраивать волосатые ядра, которые через короткое время стали блестеть, на зависть коту.

Я наклонился к теще, и, со словами «Мама Аля, спасибо большое!», стал целовать ее в губы. Она крепко держала меня под уздцы, и пыталась что-то сказать, но я не отрывался от нее, и она утомилась. Теща спокойно ждала, пока я с ней нацелуюсь, сжимая меня одной рукой, и продолжая намыливать другой. Я и не думал прекращать — когда еще представится такой случай! — просто схватил ее голову и стал целовать ее взасос.

Постепенно она стала мне отвечать, а не просто стоять на коленях, в ожидании, когда я, наконец, от нее отстану — видимо, эти поцелуи разбудили и ее.

Я стал медленно двигаться в ее руке, и — Слава Богу! — она поняла, что от нее требуется. Теща на мгновение выпустила меня, быстро сняла блузку, вывалив огромные груди наружу (я теперь понял, в кого пошла моя Женька), закрыла глаза, и стала искать мои губы для поцелуя. Я впился в них, с ходу воткнув язык между ее зубов. Крепкие крестьянские руки схватили, и погнали моего гонца в галоп, ее губы полностью поглотили мои, высасывая из меня последние силы. Я понял, что попал на вечернюю дойку, и не заметил, как через минуту залил ее груди обильными сгустками, перевыполнив план по ежедневному надою в колхозные закрома.

Мама Аля вытерла свое обширное как поле тело, убрал с него все высаженные мною семена, и непринужденно заговорила о чем-то — как бы продолжив дружескую беседу на природе, прерванную незначительными осадками. Я восхитился таким подходом с ее стороны, и решил, что у меня есть теперь шанс продвинуться дальше в исследованиях загадочной крестьянской души — благо у меня была в распоряжении целая неделя.

Утром, оставив свою деревенскую половинку в объятиях морфея (если была возможность, Женька вставала поздно днем), я кое-как привел себя в порядок и ломанулся на кухню. Моя

ржавая (после вчерашнего) голова требовала полной антикоррозийной обработки, и патентованное средство марки «Джонни Уокер» (заботливо захваченное мною из города), было сейчас наиболее уместным.

На кухне я застал предмет своих желаний, облаченную в короткий ситцевый халатик цвета беж. Теща надраивала грязную посуду после вчерашних посиделок — также, как вчера она надраивала меня. Я поздоровался, мы поцеловались, потом еще поцеловались, потом еще... И я понял, что Женькина мама обладает каким-то природным магнетизмом, противостоять которому я был не в силах: мой чертик опять выскочил из штанов, наливаясь силой, и превращаясь в самого настоящего дьявола.

Теща вернулась к посуде, а я в изнеможении плюхнулся на стул, пососал Джонни из горлышка, и стал лихорадочно вспоминать: какой там срок у нас предусмотрен за изнасилование?!? Вот и отдохнул, называется, от плотских утех в тени деревьев...

Алевтина Ивановна вооружилась тряпкой, и полезла под стол подтереть какой-то кровоподтек: «это Гаврила вчера опрокинул бутылку красного», вспомнилось мне. Тещин халатик задрался, и на меня уставился глаз Саурана, обрамленный «ресницами» черных волос между белых полушарий, с коричневой ямочкой «на лбу» — белья на ней не было. Мой дьявол поднял голову и пристально посмотрел одиноким глазом в манящий источник вселенского зла: ему хотелось туда до липких слез.

Я, как вещий друид пошел на древний зов предков, доставая по дороге свой корень омелы, приготовившись совершить обряд жертвоприношения. Ничего не подозревающий агнец, стоя в позе речного омара, старательно затирал последствия вчерашнего журфикса, бесстыдно сверкая голым естеством. Я возложил длани на упругие бока кающейся Магдалины, и пронзил ее копьем Судьбы — пророчество свершилось!

Теща охнула (обряд посвящения был для нее полной неожиданностью), и вежливо замерла... И тут на меня снизошло просветление: вероятно, все, что хочет и делает мужчина в этом доме, подлежит обязательному и беспрекословному исполнению — теперь понятным было ее отношение к моим поцелуям! Мне не терпелось проверить эту мысль на практике, и с наслаждением стал трахать Женькину мать.

Теща стояла, не двигаясь, как корова в стойле: не мычала, и не телилась.

Я раздухарился, и ткнул указующим перстом в шоколадный глаз — пора было перебираться вверх по карьерной лестнице.

— Нет, — тихо сказала раба божья Алевтина, и перекрестилась.

«Понятно», подумал я, продолжая загонять тещу в угол стола, «значит, все-таки существуют ограничения по использованию малых народов в полевых условиях. Видимо, и омлетом тут не пахнет — не христианское это дело». Продолжая наполнять маму Алю пролетарским самосознанием, я вдруг услышал приближающийся скрип половиц, и трубный глас архангела Гавриила возвестил о явлении мужа, озадаченного, на этот раз, поисками истины не в вине, а в жене. Ясно представив себе, как я отправляюсь в ад по частям, если он застучает меня за этим не богоугодным делом, я пробкой от шампанского выскочил из узкого горлышка мамы Али, и с заинтересованным видом стал рассматривать репродукцию, висящую на стене. Это оказалась картина Верещагина «Апофеоз войны», где среди пирамиды черепов я уже отчетливо видел свою бестолковую голову.

Теща, крихтя, вылезла из-под стола, и столкнулась нос к носу с Гаврилой, заруливающего на запах войны: в воздухе отчетливо пахло битвой полов.

— А... Это ты, — неуверенно сказал Гаврила, вновь не узнав меня, и повернулся к Алевтине, — Алька, — сказал он жене, которая судорожно вздрагивала и косилась на меня, — пойдём со мной, в огороде поможешь. — Она кивнула, и мелкими шажками засемила вон из кухни, напомнив мне японскую гейшу.

«Это что же — опять заниматься рукоприкладством?!?», мысленно возопил я, сжимая в кулаке нереализованные возможности к самопознанию. «Ну, уж нет, увольте!». Я горным козлом поскакал в огород, вслед за своей козочкой, намереваясь под любым возможным предлогом закончить обряд инициации.

Моя недообъезженная лошадка стояла крупом кверху промеж грядок, а соседский мужик с полевым биноклем наперевес изучал тещину грядку промеж ножек, прячась в ветвях массивного дерева, напоминающего дуб в цвету. Подпрыгивая от нетерпения и гарцуя вдоль межи, я неумолимо приближался к раненой кобылке, желая добить ее точечными ударами в зияющую на солнце рану.

«Гаврила был подле сарая — Гаврила, молча водку пил. Пока он занят был процессом, схватил я тещу за бедро, и чтоб она вдруг не упала, ее на крюк свой насадил...», — весело плел я по дороге какую-то ахинею, как акын (что увижу — то спою), подбираясь к заветной мечте... Мама Аля по обычаю затихла (она сразу становилась шелковая, когда Каменный Гость посещал ее темницу), и я, воровато озираясь по сторонам, поскакал что есть мочи, неся концом благою весть.

Гаврила (временно) бросил пить, и посмотрел на нас. Я остановился, и приветственно помахал ему рукой. Он посмотрел мутным взглядом куда-то мимо меня, и рухнул в кусты. Я заржал, и роя копытом землю, устремился к финишу. Теща вдруг очнулась, и стала двигаться со мною в одной упряжке. «Вот и тебя, наконец, пробрало», обрадовался я, что есть силы хлюпая вниз.

Сзади что-то хрустнуло: это с дуба рухнул сосед, не выдержав накала страстей. Я мысленно послал ему джедайскую установку: «Ты ничего не видел», но, видимо, он был тойдарианцем от рождения, и не чувствовал Силу. Он с воплями помчался по деревне, размахивая треснувшим от напряжения биноклем, и скрылся вдали...

Всему когда-то приходит конец — пришел он и к Алевтине. Она вдруг тоненько заголосила, и вся как-то завибрировала.

— Ой, что это... Как же это... Что со мною... — Запричитала она, еле держась на подгибающихся ногах.

— Это оргазм, детка, — пафосно изрек я, добивая ее, грешную, разящими ударами своей палицы, закаленной в семейных боях. И тут я почувствовал, что и для меня наступил момент истины.

— Fatality!!! — Страшным голосом закричал я, выпуская порцию медихлориана в изможденную вагину, и повалился на землю, увлекая за собой счастливую фемину на благоухающую постель из трав и цветов — в пучки салата и резеды.

— Напрасно Вы, мамаша, отказываетесь от всяческих удовольствий! — Я тяжело дышал, и еще не отошел от Битвы Пяти Воинств, — вон, у дочки Вашей поинтересуйтесь, как бывает хорошо... Она тоже только из-под шкафа вылезла, когда со мной познакомилась — видимо, это у Вас семейное — а теперь от этой секс-террористки проходу нет: приходится скрываться в глухой деревне... Отдохнуть я хотел от всего этого... Если бы не Вы.

Алевтина Ивановна ничего не отвечала, только мелко дрожала, с трудом восстанавливая

дыхание, и улыбалась...

... Все последующие дни я охотился за желанной добычей, настигая тещу в самых непредсказуемых местах: то в ванной, пока она развешивала белье; то на кухне, во время мытья посуды; то в ее супружеской постели, рядом со спящим в хлам ее мужем; то во время дойки коровы в сарае, то на огороде — во время кормления кур.

Она действовала на меня, как Виагра: раньше я никогда не обладал такой мужской силой — моей потенции хватало, в лучшем случае на пару раз в день, да и то — по великим праздникам. Сейчас же я мог заткнуть за пояс самого Геракла (с его сексуальными подвигами), трахаясь по пять раз на дню. Да что там за пояс — я и его бы самого трахнул — даром, что он мужик.

Ее муж нам не мешал — он находился все время в параллельном пространстве. Я был для него случайным призраком, вторгшимся в его разрушенный и беспокойный мир, и внятно поговорить с ним мне так и не удалось.

Моя Женька целыми днями раскатывала по деревне на велосипеде, встречаясь с подругами и пропадая неизвестно где, давая мне возможность без стеснения иметь ее маму при любом удобном случае. Правда, ночью мне пришлось все же пару раз выполнить с ней обязательную программу: она тосковала по анальному сексу, и я быстро приводил ее в чувство, в ожидании очередного утра — тогда с Алевтиной Ивановной опять начиналась программа произвольная. Теще самой стала нравиться эта игра — она теперь регулярно кончала, и зачастую, сама подстерегала меня где-нибудь за углом. Когда я хотел, например, предаться отдыху на сеновале в компании старины Уокера, она находила меня, и нежно дрочила, глядя на меня преданным взглядом собачьих глаз. Приходилось объезжать ее по новой, снова и снова. Постепенно она стала напоминать мне свою дочь, и я хотел только одного: трахнуть ее уже по полной программе, не избегая нехристианских мест, и покинуть этот гостеприимный дом — он уже мало чем отличался от моего собственного.

Наступила последняя ночь нашего пребывания в деревне — неделя пронеслась незаметно, оставшись в памяти одним нескончаемым трахом, словно я вступил в Эру Совокупления. В последний день мы с Женькиной мамой почти не виделись: быстрая ебля на кухне встояка, пока она готовила завтрак, и торопливый трах на обеденном столе, пока жена ходила в подвал за квашеной капустой — не в счет...

Женщины занимались упаковкой вещей в дорогу, Гаврила лежал в предбаннике лицом в плоске с кошачьей едой и пускал носом пузыри, а я нежился в кровати после душа, готовясь ко сну.

Я уже дремал, как вдруг почувствовал, что меня осторожно приводят в боевую готовность: кто-то тихо дрочил мой член не спрашивая, хочу я этого, или нет. Это оказалась Женькина мать, которая, присев на краешек кровати, ласкала его руками, с любовью глядя на меня.

— Вы завтра уезжаете, — заговорила она, видя, что я открыл глаза, — и сегодня последняя ночь... Я помню, что Вы мне сказали... Тогда, в первый раз... И я хочу попробовать... Чтобы не жалеть, что не сделала... Когда была такая возможность.

Не давая мне времени на ответ, Алевтина Ивановна потупилась, посмотрела на результат своей ручной работы, и перекрестилась.

— Господи, прости меня, грешную, — сказала она, потом наклонилась, и осторожно лизнула головку.

Я не верил своим глазам: теща опустила рот на член, и стала причмокивать губами!

Конечно, было приятно, но техника сосания отсутствовала напрочь. Я поднял голову: посередине комнаты стояла моя жена — она тоже не верила своим глазам.

«Дзинь!», раздался стеклянный звук в моей голове: я представил себе, как мои обледеневшие от ужаса яйца медленно отделяются от организма, и отлетают от меня навсегда.и от неожиданности зубами сжала мой орган. Потом она подскочила, схватила Женьку за руку, и потащила из комнаты. — Мы сейчас, — сказала она сдавленным голосом.

Пока я лихорадочно метался по кровати, выбирая между тем, чтобы выброситься из окна, или забаррикадировать дверь, в комнату вошла похоронная процессия: Женька и ее мама. — Я все знаю, — глухим голосом сказала моя жена.

Вдруг вспомнились пингвины из мультфильма «Мадагаскар»: «Улыбаемся, и машем!», подумалось мне. Я весь сжался под одеялом, и втянул голову в плечи.

— Я хочу поблагодарить тебя за то, что ты сделал для моей мамы, — на лице жены вдруг появилась теплая улыбка, — как в свое время сделал это для меня... И... Я не сержусь, любимый.

Я обалдело смотрел на жену, не понимая до конца смысл сказанных ею слов. Женька, тем временем, подвела свою маму за руку к кровати, и заботливо сняла с нее халат. Передо мной открылось ядреное тело женщины: с большими торчащими сосками на огромных грудях, и красивым изгибом полных бедер. Я первый раз видел Женькину мать полностью обнаженной, обычно я трахал ее одетой по-домашнему. И тут мне стало не до шуток...

— Покажи ей все, — сказала жена, сбрасывая и с себя всю одежду, — а я Вам помогу.

Они легли на кровать по обе стороны от меня, наклонились над моей головой, и стали вместе целовать мои губы, поочередно засовывая мне в рот свои влажные языки. Я мял их груди руками, не находя особой разницы в размерах, сжимал пальцами возбужденные соски и оттягивал их в стороны. Мои женщины ласкали мне мошонку, и, переплетаясь пальцами на члене, нежно драчили меня.

Потом Женька медленно спустилась вниз, проведя влажную дорожку по моему телу горячим языком, и стала слегка покусывать мои соски, облизывая их по окружности. Затем опустилась еще ниже, утопив язык в ложбинке пупка. Она вылизывала его, задевая подбородком липкую головку члена, которая упиралась ей под горло, и пристально смотрела мне в глаза. Потом совсем сползла к моим ногам, чмокнула член у основания, и стала сосать головку, сжимая яйца в мягкой ладонке. Я не знал, что мне доставляет большее наслаждение: минет от жены, или поцелуи от тещи. Наверное, и то и другое вместе.

— Мама, иди сюда, — позвала Женька, — и подвинулась, освобождая место для нее.

Теща с сожалением выпустила мои губы, и неожиданно грациозным движением пантеры скользнула на зов дочери.

— Смотри, и повторяй за мной, — сказала жена, и вновь припала губами к моему члену.

Она медленно обрабатывала весь его целиком, задерживаясь около головки, лаская уздечку быстрыми волнующими движениями кончика языка. Слюна обильно текла по стволу члена, и Женька периодически влажно всасывала его целиком, упираясь губами в мошонку. Теща сначала искоса, потом, осмелев, во все глаза стала смотреть, как член пульсирует между широко открытых губ ее дочери, ныряя во влажное горло. Алевтина облизывалась, и произвольно ртом повторяла движения Женьки. Ее рука пропадала где-то между бедрами, и я представлял себе, что там происходит.

— Яйца ему пока пососи, он это любит, — невнятно сказала моя жена, не выпуская член изо

рта, и, схватив мошонку у основания, подтянула к губам Алевтины.

Мама Аля наклонилась, и сразу обхватила их целиком. Некоторое время подержала во рту, привыкая к ощущениям, потом закрыла глаза, и стала осторожно сосать. Я чувствовал, как она внутри их вылизывает языком, это было заметно по ее вибрирующим щекам — язык во рту ходил ходуном. Я купался в ощущениях, с наслаждением наблюдая за женщинами: они стояли рядышком, касаясь друг друга оттопыренными задницами, и одновременно отсасывали все мое мужское хозяйство.

— Давай, теперь ты, — сказала Женька, тяжело дыша. Она обхватила голову тещи, зажала рукой мой член у основания, и стала водить раздувшейся головкой по ее влажным губам. Алевтина, далеко высунув язык, стала ртом ловить ее, потом отпихнула руку дочери, и сама схватила его.

Теща прижала к члену влажный язык, распластав его по всей головке, и стала энергично дробить, облизывая по кругу, и не пуская его в рот. Она вопросительно посмотрела на меня, и я одобрительно кивнул. Тогда Алевтина вытянула губы «уточкой», плотно зажала губами головку и сделала несколько сильных сосущих движений — я видел, как появляются и пропадают глубокие ямочки на ее щеках. Потом осторожно опустилась ртом на ствол, добравшись до мошонки, и затем стала медленно подниматься вверх, сдавливая член зубами, и, в конце, передними зубками покусывая головку. Кончиком языка она слизывала липкие капли из дырочки, стараясь просунуть его поглубже внутрь.

— Да ты прирожденная минетчица! — с восхищением глядя на мать, воскликнула Женька, — я тебе этого даже не показывала!

— Отличная соска! — подтвердил я, в изумлении глядя на чувственные ласки, которые вытворяла с членом моя неопытная ученица, — и где Вы раньше были, Алевтина Ивановна? Теща улыбнулась одними глазами, и неожиданно проглотила член до самого основания. Она перестала двигаться, и замерла. Женька, с перепугу схватила мать за плечо.

— Mam, ты там не задохнулась? Ты можешь, с непривычки...

— Заткнись, дура! — прохрипел я, непроизвольно выгибаясь навстречу теще, — она там меня... Сосет!... Горлом, представляешь!?!

Женька нагнулась, и восхищенно уставилась на свою мать: ее горло плавно сокращалось волнообразными движениями мышц. Яиц не было видно — мошонку крепко сжимала мамина рука.

— Все, бабы, отвалите на хер! — Простонал я, упершись ногами в плечи тещи, — я так раньше времени отстреляюсь, и не доберусь до сладкого!

Я отпихнул тещу, которая с влажным хлопом отвалилась от меня: мне показалось, что я чудом спасся из доильного аппарата.

— Мама Аля, давайте я полижу Вам, — сказал я, вставая, — а то мне нужно успокоиться!

Женькина мать замешкалась, не совсем понимая, что от нее требуется, и моя жена шутливо повалила ее на кровать, согнула колени, и сильно развела ее ноги в стороны. Потом провела пальчиками по маминой промежности, глянула на меня, и игриво подмигнула. Я уставился на тещины бедра: красные набухшие губы, обрамленные густыми курчавыми волосами, раскрылись, и я увидел влажную, зовущую... Нет, на киску это было совсем не похоже. Передо мной, истекая соками, пульсировала возбужденная волосатая пизда.

Алевтина Ивановна в смятении задержала ногами, потом затихла, и закрыла лицо руками. Женька смущенно улыбнулась, и кивнула мне: «Приступай!»

Я нагнулся и пощекотал кончиком языка большой клитор, который торчал из-под влажной складки. Вылизывать тещу не было никакой необходимости: на ней и так «живого» места не было: она непрерывно текла, раскрытое влагалище сокращалось, и моя короткая ласка добила ее окончательно. Теща пронзительно вскрикнула и сразу кончила, чуть не прищемив мне голову бедрами, которые она сводила и разводила, совершенно не контролируя себя.

— Раз, — сказал я, не к месту вспомнив бородатый анекдот про тещу.

— Помоги ее поставить раком, — попросил я жену, — пора кончать это грязное дело.

— Сейчас, милый, — сказала Женька, с некоторой завистью косясь на мать, которая дергалась на кровати, и что-то бормотала, закрыв лицо руками.

Мы развернули Алевтину, и установили ее в коленопреклоненную позу. Я придерживал ее за бедра, щупая ее груди, а Женька вовсю орудовала пальчиками в промежности матери. Теща стонала, приседала, и крутила бедрами: ее бил множественный оргазм, волнами накатывающий на ее тело.

— Готово, — сказала Женька, запыхавшись, — давай!

Я зашел сзади, и двумя руками широко развел в стороны бедра Алевтины. Женька поработала на славу, разработав анус матери и подготовив его к первому сношению. Я приставил головку к влажному входу тещинового зада, и мама Аля замерла, продолжая что-то тихо говорить.

— Чего она там бормочет? — спросил я Женьку, прижимая член к анусу тещи.

— Она молится, — сказала жена.

Я, обхватил член за основание, и торжественно перекрестил ее концом.

— Не юродствуй, — сказала жена. Я пожал плечами, и вернул ключ на старт.

— Алевтина Ивановна, давайте, сами, — великодушно сказал я, — когда будете готовы.

Теща тут же надвинулась задом на головку, остановилась, на мгновение, почувствовав ее упругость, и продолжила движение...

— Господи, прости меня, грешную! — выдохнула она, насаживаясь на член.

Я помог ей, двинув бедрами навстречу, и наши тела плотно соприкоснулись: я целиком вошел членом в ее девственный зад. Подождав мгновение, я привычным движением стал трахать ее, уже не на что не отвлекаясь. Женька прижалась щекой к ее заду, внимательно следя за тем, как мой член глубоко проникает в анус ее матери.

— Сильнее! — неожиданно прохрипела мама Аля, ритмично насаживаясь на кол, — Господи... Мне нравится... Такая... Ебля! — Добавила она, и вдруг закричала в голос.

Она соскользнула с члена, и ткнулась лицом в кровать: ее била судорога.

— Два, — тупо сказал я.

— Я тоже так хочу! — Нетерпеливо крикнула Женька и схватила мать за бедра, — давай, помогай!

Мы повернули тещу на спину, и развернули к себе лицом вверх. Она не сопротивлялась, и уже ничего не соображала. Женька встала раком над головой матери, и нагнулась к ее промежности.

— Теперь меня выеби... Я тоже хочу в жопу! — Жена нетерпеливо повела задом, и уткнулась губами в материнское лоно.

Я с разгона вогнал член в разгоряченную жену, и стал с силой долбить ее: в любимой дырке я чувствовал себя комфортно. Я посмотрел вперед, откуда доносились чавкающие звуки: моя жена сосала мокрое влагалище Алевтины, загоняя в него свой длинный язык. Меня дико

возбудило это зрелище — я первый раз видел свою жену за лесбийскими ласками, да еще отлизывающей собственной матери! Алевтина корчилась от наслаждения, и билась лобком об губы дочери.

Густые капли стекали из промежности Женьки и капали теще в рот. Она, не глядя, слизывала их, и ее язык, не переставая, двигался по опухшим Женькиным губам. Жена елозила раскрытой пиздой по лицу матери, то утапливая срамные губы в ее рот, то насаживаясь клитором на нос.

— Как же Вы... Сладко... Ебете меня! — Простонала Женька, и замерла на мгновение, глубоко насадившись анусом на мой член... — Да-а-а... Да-а-а... Да-а-а! — Закричала она, и задергалась, заливая лицо матери.

— Блядь... Я сейчас кончу... С-с-с-у-у-к-а-а-а! — завопил я, не в силах больше сдерживаться. Женька соскочила с кровати, схватила мой разгоряченный член, и быстро вставила матери в рот. Я стал протяжно кончать теще в горло. Алевтина приподняла голову и стала жадно сосать, сосредоточено сглатывая сперму. Я захрипел, схватил жену за волосы, и впился губами в ее рот. Женька рычала и кусала мои губы, держала мать за голову, и сдрачивала рукой ей в рот остатки семени. Алевтина вдруг застонала, из горла стали доноситься булькающие звуки, и она крепко сжала бедра. Рядом с ней на кровать рухнула Женька — тела женщин сотрясались в сладких конвульсиях.

— Три, — выдохнул я, медленно двигаясь во рту Алевтины, выбрасывая последние капли наслаждения, уже почти ничего не чувствуя и не ощущая...

... На следующий день я встал очень поздно — около часу дня. Я так и не вспомнил, чем закончились события вчерашней потрясающей ночи, и как мы уснули: когда я открыл глаза, на кровати рядом со мной никого уже не было. Нужно было собираться в дорогу. Я встал, быстро умылся, и заглянул на кухню.

Там чинно сидели рядышком мои женщины, и пили чай. Завидев меня, они переглянулись и смущенно заулыбались. Я им улыбнулся в ответ. Они, не сговариваясь, повернули ко мне счастливые лица, закрыли глаза, и сложили губки бантиком для поцелуя. Я нежно поцеловал каждую из них в губы, задержавшись на Алевтине Ивановне: ее поцелуи по-прежнему сводили меня с ума.

Уже в сенях, провожая нас домой, Алевтина, наскоро чмокнув дочку, долго и сладко целовала меня, обняв за шею, и крепко прижимаясь всем телом. Потом отступила, с сожалением раскрыв объятия, и с грустью сказала:

— Жаль, что Вы уже уезжаете, мне так понравилось... — она запнулась, и не договорила фразу.

— Что понравилась, мам? — весело сказала Женька, и хитро мне подмигнула.

— В попу... И сосать... И вообще... — Она прикрыла глаза ладонью, — Еб... Ебаться с Вами... Со всеми... Прости меня, Господи, — прошептала она и густо покраснела.

— Так приезжайте, как-нибудь к нам, — сказал я, и обнял жену, — мне тоже понравилось... — Я покосился на Женьку, — нам тоже понравилось... Ебать Вас, Алевтина Ивановна!

— Куда я поеду, — с сожалением ответила теща, и кивнула на Гаврилу, который стоял рядом, прислонившись к косяку под нелепым углом, и непрерывно икал, — не оставишь же его одного...

Уже отъехав от деревни на приличное расстояние, у Женьки вдруг звякнул телефон. Она быстро прочитала сообщение, и восторженно посмотрела на меня. Глаза ее блестели.

— Что там? — спросил я.

— СМСка от мамы, — сказала Женька, и прочитала: «Срочно вызвали в Собес. Буду в городе третьего числа. Остановлюсь у Вас. Встречайте. Мама», — это через два дня, — добавила жена, и сладко потянулась.

Мой старый Джонни шевельнулся в штанах, и я непроизвольно почесал промежность. Я заметил, что Женька проследила взглядом за моим жестом.

— И что ты по этому поводу думаешь? — спросил я.

— Я думаю, нужно обсосать это дело, — серьезно сказала жена.

— Тогда, начинай, — кивнул я, и дернул молнию штанов...

По мере того, как жена все больше углублялась в изучение поставленного вопроса, я сильнее нажимал на акселератор. Через пять минут, я уже несся по трассе на предельной скорости. За мгновение до оргазма, я крепко прижал голову Женьки к своему паху, высунулся в открытое окно, и заорал:

— Алевтина-а-а!!! ... Я люблю тебя-а-а-а!!!

(с) февраль 2015